

ДЮБОЗ ХЕЙВОРД

ПОРГИ

тень судьбы

Дюбоз Хейворд
Порги. Тень судьбы

«Автор»

2026

Хейворд Д.

Порги. Тень судьбы / Д. Хейворд — «Автор», 2026

Южная Каролина, 1920-е. Кэтфиш-Роу — старый кирпичный особняк, превращённый в жилище для бедных слоёв негритянского населения Чарльстона. Место, где время застыло, а жизнь бьёт ключом: здесь играют в кости, молятся, хоронят умерших и пытаются выжить любой ценой. В центре этого мира — Порги. Лишённый возможности ходить, он передвигается на козьей повозке, но обладает острым умом и нестигаемой волей. Его одинокая жизнь обретает смысл, когда в его комнате находит приют Бесс. Она бежит от жестокости своего бывшего любовника, могучего грузчика Крауна, и от разрушительной зависимости, но призраки прошлого не отпускают её. Роман Дюбоза Хейворда — это глубокое, лишённое сентиментальности исследование человеческой природы. Автор с удивительной чуткостью воссоздаёт атмосферу душного южного города, показывая, как в условиях нищеты рождаются подлинные чувства, верность и трагическое стремление к счастью. Произведение, подарившее миру знаменитую оперу, сегодня звучит как острая, живая классика.

© Хейворд Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5
ЧАСТЬ I	8
ЧАСТЬ II	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дюбоз Хейворд Порги. Тень судьбы

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Роман Дюбоза Хейворда «Порги» впервые вышел в свет в 1925 году и сразу занял особое место в литературе американского Юга. Это не просто бытовая хроника негритянского квартала Чарльстона. Это попытка увидеть человеческое там, где общество привыкло видеть лишь статистику, предрассудки или сценическую маску. Читая эти страницы сегодня, мы возвращаемся в эпоху, когда американская литература только начинала всерьёз говорить о тех, кого заставляли молчать, и когда достоинство измерялось не социальным положением, а способностью сохранять внутреннюю опору в мире, который редко даёт шанс.

ДЮБОЗ ХЕЙВОРД: БИОГРАФИЯ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ

Дюбоз Хейворд (1885–1940) родился в Чарльстоне, в семье, чьи корни уходили в довоенную Южную Каролину. Он окончил Гарвардский университет, где изучал литературу, но война прервала академическую карьеру: Хейворд служил в армии, после демобилизации вернулся на родину и устроился страховым агентом. Эта работа, парадоксальным образом, стала для него школой писателя: она заставляла много ездить, общаться с людьми самых разных слоёв и пристально всматриваться в детали быта.

Хейворд не принадлежал к числу кабинетных литераторов. Он писал стихи, публиковал очерки, пробовал себя в драматургии, но настоящая слава пришла к нему с прозой. Его тексты отличались редкой для белых авторов своего времени эмпатией и отказом от карикатурных образов. Помимо «Порги», он написал романы «Дочери Мамбы» (1929) и «Звёздно-полосатый Виргин» (1930), сборники поэзии и несколько пьес, многие из которых создавались в соавторстве с женой, Дороти Хейворд. Однако именно первая книга осталась его главным словом в литературе.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ «ПОРГИ»

Идея романа родилась из личных наблюдений. В начале 1920-х годов Хейворд подолгу бывал в районе Кэтфиш-Роу, записывал речь, песни, бытовые детали, стараясь уловить ритм жизни местного сообщества. Он сознательно отверг популярные тогда штампы менестрельной культуры и сделал ставку на внутренний мир своих героев. Работа над текстом заняла несколько лет. В 1925 году книга вышла в издательстве Джорджа Х. Дорана и была встречена с живым интересом: критика отметила точность деталей и психологическую достоверность, а читатели откликнулись на искренность интонации.

Успех оказался настолько значительным, что уже в 1927 году Хейворд совместно с женой адаптировал роман для театральной сцены. А в 1935 году, вместе с братом Джорджа Гершвина, Айрой Гершвином, написал либретто к опере «Порги и Бесс». Музыкальное воплощение истории навсегда вписало имена авторов в историю мировой культуры, но литературный первоисточник сохранил свою самостоятельную силу.

ЧЕМ ЗНАМЕНИТО ПРОИЗВЕДЕНИЕ

«Порги» знаменит не только тем, что стал основой для одного из величайших музыкальных произведений XX века. Его ценность — в смелости и человеческой теплоте. Хейворд показал жизнь, в которой бедность, насилие и зависимость соседствуют с верностью, способностью любить и тихим стремлением к порядку. Роман разрушил многие расовые стереотипы своего времени и открыл путь для более честного диалога в американской литературе. Сегодня он читается как документ эпохи и как вневременная история о выборе, утрате и попытке остаться собой.

О ПЕРЕВОДЕ И РЕДАКЦИИ

Настоящее издание подготовлено на основе раннего русского перевода, однако текст подвергся глубокой литературной редакции. Главная задача состояла в том, чтобы избавить книгу от признаков переводной литературы, не искажая авторский замысел и атмосферу 1920-х годов.

В ходе работы были устранены буквалистические конструкции, неестественные синтаксические кальки и шаблонные обороты, характерные для ранних переводов. Диалоги приведены в соответствие с живой речью: сохранены индивидуальные особенности персонажей, их социальный и культурный бэкграунд, естественные паузы и разговорные сокращения. Ритм повествования выстроен так, чтобы современный читатель воспринимал текст как цельное художественное произведение, изначально написанное на русском языке.

При этом бережно сохранены исторический контекст, южный колорит, мировоззренческие особенности эпохи и стилистическая манера Хейворда. Мы не стремились к стилизации под старину или искусственному архаизированию языка. Приоритетом оставалось качество художественной прозы, в которой эпоха сохраняется не через устаревшие синтаксические конструкции, а через фактуру жизни, характеры и авторскую интонацию. Текст адаптирован для современного восприятия, но не осовременен по содержанию. Он звучит так, как должна звучать классика в качественном современном издании: ясно, естественно и без посредников между читателем и автором.

Дюбоз Хейворд

ПОРГИ

Посвящается

Дороти Хейворд

Порги, Мария и Бесс,

Роббинс, Питер и Краун;

Жизнь — трёхструнная арфа,

Что из леса в город принесли.

Вы звучали чудно

Страстью, смертью, рождением,

Вы, что смеялись и плакали

На тёплом, смуглом лоне земли.

Теперь в ваших руках,

Ещё неопытных, новых,

Мастер суровый вложил

Инструмент непривычный и дивный.

Он требует песен иных —

Не тех, что пелись прежде.

Боже белых и чёрных,

Подари нам сердца широкие,

Чтоб мы поняли их,

Пока они учатся играть.

ЧАСТЬ I

Порги жил в Золотом веке. Не в том, что канул в легенды, и не в химере, которая мерещится мужчинам за пятьдесят, — эпохе, какой не бывало, кроме как в их юности, — а во времена, когда нынешние старики были мальчишками в древнем прекрасном городе, который время обошло стороной, прежде чем уничтожить.

В этом городе уцелел Золотой век многого, и не в последнюю очередь — нищенства. В те дни это ремесло имело свои обычаи. Человек просил подавание, полагая, что голоден, — примерно как другой, с более живым нравом, становился грузчиком по той же причине. Его просьба о помощи рождала простые отклики: великодушный порыв, протянутая рука, брошенная монета — вместо сложных механизмов организованной благотворительности. Происхождение и возраст души никого не касались; и он был так же счастливо равнодушен к тому и другому, как и все вокруг.

Будь всё иначе, родись Порги поколением позже — или хотя бы на двадцать лет, — старая трагедия гения без выхода повторилась бы вновь. Ибо как художник рождается с чутьём на красоту, а торговец — на выгоду, так и Порги был щедро наделён для карьеры попрошайки. Вместо крепких ног, которые определили бы его в грузчики на хлопковые причалы, он явился в мир с ногами совершенно никчёмными — сразу бросающимися в глаза и готовыми тронуть любое сочувствующее сердце. По рождению ли, или благодаря жизненной философии, он обрёл личность, которую нельзя было не заметить, — одновременно притягательную и смутно тревожную. В нём было нечто, отличавшее его от полчищ собратьев по ремеслу, что толкались у ног сердобольных. Пока другие жадно ловили взгляд прохожих и рассыпались в многословных благословениях, Порги сидел молча, погружённый в себя. Во взгляде его таилась какая-то восточная, почти мистическая отстранённость. Он никогда не улыбался и признавал подавание лишь медленным поднятием глаз. Он был черен той почти пурпурной чернотой, что бывает у чистых конголезцев. Руки у него были огромные, мускулистые; даже когда они безвольно лежали на коленях, они казались устрашающе сильными для такого хрупкого тела. Если только вы не были чем-то поглощены в ту секунду, когда опускали монету в его чашку, вы уносили с собой отчётливое и немного жуткое ощущение: бесконечного терпения — и под ним дрожащей, нерастроченной, но чудовищной силы.

Никто не знал, сколько Порги лет. Никто не помнил, когда он впервые появился среди местных нищих. Одна женщина, вышедшая замуж двадцать лет назад, помнила его: он сидел на церковных ступенях и напугал её, когда она входила.

Однажды ребёнок увидел Порги и вдруг спросил: «Чего он ждёт?» Это было точнее всего. Он ждал.

Каждое утро к открытию банков Порги можно было застать у стены старой аптеки на углу Короля Карла и Собранийской дороги. Многолетняя привычка сделала это место ему особенно милым. Он сидел там в прохладе раннего утра и смотрел через узкую улицу на зелень Джаспер-сквер, где дети запускали змеев и играли в прятки в кустах. Когда солнце заливало субтропическим жаром двойные ряды кирпичных стен, запирая его меж ними, Порги погружался в приятный атактистический покой и легко дремал под зноем — как умеют только чистокровные негры. К полудню возле него начинала расти тень, быстро ширилась, остужала раскалённые плиты и поворачивала поток клиентов к дому, прежде чем чашка его успевала опустеть.

Но больше всего Порги любил поздние вечера, когда улица снова затихала, а солнечный свет, налившись цветом, устремлялся горизонтально над низкой крышей аптеки, окрашивая кремовую штукатурку противоположного дома в ржавое золото и превращая старую, вымытую дождём черепицу в полированную медь. Тогда стройная женщина в белом, жившая в том доме, запахивала высокие французские окна гостиной во втором этаже и садилась за фортепиано.

Порги видел её смутный силуэт; она играла до темноты, пока старый Питер не проезжал мимо на своей телеге, чтобы отвезти его домой.

У Порги был всего один порок. Днём он сводил свою жизнь к плоскому однообразию обыденности, но по ночам был заядлым игроком. Каждый вечер он тщательно отделял от выручки минимум на еду и жильё, а остаток пускал на игру. При свете коптящей керосиновой лампы, в кругу возбуждённых лиц, он уже не был нищим в пыли. Его застоявшаяся кровь вскипала. Он был на равных с здоровенными грузчиками, что ворочали хлопковые тюки и разили потом с удобрительных фабрик. Он заслужил их неохотное уважение: он умел так уговаривать маленькие костяные кубики, что они слушались его. Громкие «О, моя девочка!» и взрывное «Семь выходит!» его товарищей редко приносили серебро, когда он чувствовал то лёгкое предчувствие и думал о новых, тихо сказанных словах. В эти часы он терял свой вид человека, живущего будущим. Пока кости летали, он существовал в настоящем — жгучем и плотном.

В одну субботнюю ночь в конце апреля, когда в воздухе уже пахло летом, Порги сидел в кругу игроков перед своим домом в Шёлковом переулке и тихо шептал свои заклинания богам удачи. Весь день его мучила смутная тревога. С залива не дуло, и с его места у аптеки небо казалось глухо-сизым и низко нависало над городом. К вечеру над западным горизонтом поднялась грозовая туча и заворчала; но она прошла, оставив воздух горячим, спёртым и влажным. Негры вернулись на ночь раздражённые; вместо обычной субботней суеты с песнями и разговорами комнаты были тёмны и безмолвны, а двор пуст.

Игра началась поздно, игроков было мало. Напротив Порги, на корточках, мрачно швыряя кости, сидел негр по прозвищу Краун. Он был грузчиком, сложен как гладиатор и пользовался дурной славой. Хлопковый крюк, свисавший с пояса на ремешке, поблескивал в свете лампы и звонко ударял о плиты, когда он наклонялся, чтобы бросить. Краун пил вместе с Роббинсом, который сидел рядом; от них разлило скверной кукурузной водкой. Роббинс был слохоохотлив и без умолку толковал о жене и детях, которыми безмерно гордился. Он был хорошим кормильцем, и, кроме субботней выпивки и игры, отличался постоянством привычек.

— Та дама моя — рождённая белая-негритянка, — хвастался он. — Её семья от самого губернатора Рутледжа. Разве вы не видели, как сама мисс Рутледж приходила навещать её, когда она болела? А дети мои — они воспитаны с манерами.

— Прибереги свои росказни для костей, — перебил молодой негр. — У костей нет терпения с бабами!

— Истинно, — отозвался другой. — Они оба охотятся за одними и теми же негритянскими деньгами. Потому и не ладят.

— Заткнись и бросай! — прорычал Краун.

Роббинс, опешив, поспешно кинул кости. Едва они улеглись, как Краун яростно сгрёб их в свою огромную ладонь и, отборно ругаясь, швырнул через тускло освещённый круг — проиграл с первого броска. Тогда Порги бережно взял их и на мгновение задержал, сжав в своей мускулистой, тонкопалой руке.

— О, маленькие звёзды, киньте мне свет! — тихо пропел он; взмахнул рукой — и выиграл. — Киньте мне солнце и луну! — попросил он; и кубики снова подчинились.

— Порги заморозил кости, — прошипел Краун, осушая флягу и разбивая её о мостовую.

Под нависшими стенами доходного дома игра шла быстро. В отдалённой комнате несколько голосов сонно тянули песню. В другом конце здания кто-то монотонно перебирал гитарные струны, аккорд за аккордом. Но игроки ничего не замечали, кроме оранжевого пятна света на плитах и живых кубиков, что вспыхивали или медлили в нём в зависимости от руки, их толкнувшей. Питер, старый возница, спокойно сидел у двери Порги и наблюдал со снисходительной улыбкой. Когда Краун сильно проиграл и, обернувшись к Роббинсу, прорычал: «Кидай честно, ниггер», — он мягко заметил:

— Дружба, выпивка и кости не созданы для одной компании. Вам, ребята, лучше потише.

И тут всё случилось.

Роббинс бросил снова, окликнул кости и подхватил их, прежде чем медленный ум Крауна успел сосчитать, затем сгрёб кучу монет в карман.

С низким рычанием, прямо из своего сторбленного положения, Краун обрушил чудовищную тяжесть вперёд, разбив лампу и прижав Роббинса к стене. Они вскочили и встали лицом к лицу. Масло из разбитой лампы разлилось между плит и вспыхнуло багровым пламенем. Краун сжался для второго прыжка, губы обнажили блестящие зубы. Свет ярко падал на выступающую челюсть и отбрасывал в тень покатый лоб. Одна рука легко касалась земли, уравновешивая массивный торс. Другая сжимала хлопковый крюк. Роббинс рядом с ним казался жалко худым. Он метнул своё гибкое тело вперёд, уходя из-под крюка, и сцепился вплотную. Одежда не выдержала. Золотистые, рельефные тела прорвали тонкую ткань. Мускулы скользили и переплетались на огромных плечах. Пьяный, звериный запах заглушал всё. Толпа зрителей выползла из тёмных дверных проёмов и начала жутко завывать. Вперёд и назад, на пространстве не больше комнаты, колыхалась вздыбленная неразделимая масса. Дыхание тяжелело. Временами из слитого тела выстреливала жёсткая рука, или свет выхватывал искажённое безумное лицо. Снова масса поднималась, опрокидывалась и обрушивалась на мостовую с сокрушительным ударом.

Такое напряжение не могло длиться долго. Конец наступил быстро. Краун сломил ослабевшую хватку противника и удерживал его на вытянутой могучей руке. Другая рука обрушила крюк вниз. Затем он уронил жертву и нетвёрдой походкой направился к улице. Роббинс был мёртв.

Крик взметнулся до невыносимого крещендо, и женщина прорвалась сквозь круг зрителей и бросилась на тело. Огонь затрепетал и обратился в слабое, голубое пламя.

Порги сильно вздрогнул, жалобно вскрикнул в темноте; затем перетащил себя через порог и закрыл дверь.

Шёлковый переулоч, где жил Порги, вовсе не был переулочком, а большим кирпичным строением в три этажа, охватывавшим три стороны двора. Четвёртую сторону частью закры-

вала высокая стена, увенчанная зубцами из битого стекла, вделанного в старую известковую штукатурку; в центре её был широкий проезд. Над проездом ещё сохранялась массивная решётка из итальянского кованого железа, а каждый из высоких воротных столбов венчала облупленная мраморная капитель. Сам двор был вымощен большими каменными плитами, которые даже под многолетней грязью искрились бледными пастельными тонами в прямых лучах солнца. Южная стена, всегда в тени, от мостовой до гниющего водостока покрылась лишайником; северная, напротив, не прерываемая ничем, кроме рядов мелких окон, пестрела цветами сквозь облупившуюся штукатурку, а летом — алым пламенем гераней в старых консервных банках на каждом подоконнике.

В высоких комнатах с потёртыми колониальными каминами и обломанными адамскими лепными украшениями губернаторы когда-то входили и выходили, послы королей плели интриги и танцевали. Теперь перед зияющим входом лежала лишь узкая булыжная улица, а за ней — ветхий причал, которым пользовались негры-рыбаки. Неизменным оставался только залив: за мусором причала он простирался до горизонта, меняя настроение вслед за небом, — всегда разный, неизменно тот же.

Прямо у входа в переулок, с единственным мутным окном на улицу, где были выставлены тарелки с жареной рыбой, находилась кухня, кормившая жильцов.

Комната Порги была напротив кухни и имела то преимущество, что передним окном выходила на улицу и залив, а через внутреннюю дверь он мог сидеть и участвовать в жизни двора. Переднее окно для него значило приключение, дверь — дом.

У Порги был обычай: когда дневная работа кончалась и он обменивал часть выручки на ужин, садиться у переднего окна и смотреть, как проходит мир. Большие хлопковые причалы лежали выше по реке, и в сезон хлопка он любил сидеть в сумерках и глядеть на проезжающие телеги. Они врывались в поле зрения с глухим грохотом колёс по булыжнику; с его низкого места они вырастали огромными и таинственными в стущающемся мраке. Иногда их было двадцать в ряд, с крупными быстрошагающими мулами, сторбленными возчиками и тюками, вздымавшимися над ними башнями. Порги всегда испытывал смутный страх, когда телеги проносились мимо. В них была сила — огромная, внушающая благоговение; она могла бы так легко раздавить его, окажись он на пути. Но здесь, в безопасности у окна, он мог наблюдать за ней без риска. Иногда, когда обоз был особенно длинным, мерный грохот и поток форм, одна за другой проплывающих мимо окна, рождали в нём странное отстранение, и картины неведомых мест и вещей вспыхивали и гасли. Но в ночь после убийства окно было закрыто, и сквозь открытую дверь позади него бил ритм панихиды из комнаты Роббинса.

— Что случилось, дети? — доносилась строфа. И антистрофа вздымалась в ответ:

— Боль терзает тело, и я не могу стоять смиренно.

Порги сидел на полу, пересчитывая дневную выручку: доллар двадцать центов. День выдался хороший.

— Что случилось, Сестра?

— Иисус забрал нашего брата, и я не могу стоять смиренно.

С тех пор как Порги вернулся домой, воздух колыхался в ритме песнопения. Он разделил свою кучку на равные части и начал прятать одну из них в карман. Песнопение снова качнулось наружу.

— Боль терзает тело, и я не могу стоять смиренно.

Он помедлил, ссыпал все монеты вместе, выбрал четвертак для кармана, а остаток взял в руку, вышел и перетащил себя на короткое расстояние к комнате скорби.

Тело лежало на кровати в углу, укрытое простынёй до глаз, на груди — большое синее блюдо. Вокруг кровати или на полу, спиной к стене, сидели два десятка негров — одни пели, другие раскачивались, хлопая по полу большими ногами. Ни на мгновение с тех пор, как тело

положили, ритм не ослабевал. С каждым часом он набирал силу, пока, казалось, не начинал раскачивать массивное здание.

Порги слышал, что Роббинс не оставил страховки на похороны — обычные субботние развлечения поглотили скудную разницу между дневным заработком и насущными нуждами. Теперь, увидев блюдо, он понял, что молва не солгала. Когда-то среди неимущих негров был обычай: выставлять тело так, а затем петь панихиды, пока соседское сочувствие не соберёт деньги на достойное погребение. В последние годы появились страховые агенты и «похоронные ложи», и старый обычай вышел из употребления. Даже стало считаться позором, если члена семьи «хоронили с блюда».

В ногах кровати, согбенная под двойным бременем горя и стыда, вдова сидела, раскачиваясь в такт ритму.

Вид её горя, тесная комната, ужасающее присутствие под простыней и непрерывающийся пульс звука — всё это родило в Порги странное желание. Вдруг он откинул голову и завыл — долго, дрожаще. Огромное облегчение хлынуло в него. Он завыл снова, ссыпал свою горсть мелких монет в блюдо и опустил на пол у изголовья кровати. Вскоре он запел вместе с остальными, и чувство восторга залило его, заставляя переходить от отчаяния панихиды к более торжественному ритму.

— О, у меня есть маленький братец на новом кладбище, — запел он. — Что ярче солнца. Не сбивая ритма, хор подхватил: — И я встречу его в Первосияющей земле.

Затем в комнату торопливо вошёл низкорослый жёлтый негр. Голос у него был тихий, вкрадчивый, пронизательный. Одетый во всё чёрное, он имел чрезвычайно важный вид. Песнопение затихло почти до пульсирующей тишины. Мужчина прошёл к тому месту, где вдова сидела в ногах кровати, и коснулся её плеча. Она подняла лицо, похожее на догоревший уголь.

— Как там теперь блюдо, сестра моя? — прошептал он, бросив оценивающий взгляд.

— Там только пятнадцать долларов, — ответила она ровным, отчаянным голосом.

— А его надо похоронить завтра, — раздался благоговейный голос, — иначе правление здоровья заберёт его и отдаст студентам.

Вдова пронзительно вскрикнула. Она поднялась на колени и вцепилась в руку мужчины обеими руками.

— О, ради Бога, похороните его на кладбище. Я выйду на работу в понедельник, и, клянусь Богом, я выплачу вам каждый цент.

На секунду даже ритм замер, оставив в воздухе щемящее напряжение. Наблюдатели застыли. Широко раскрытые глаза, прикованные к лицу мужчины, безмолвно молили. Вскоре его профессиональная манера спала.

— Хорошо, Сестра, — сказал он просто. — С гробом и одной каретой мне обойдётся больше двадцати пяти. Но я улажу это для вас. Будьте готовы к восьми завтра. Дорога на кладбище долгая.

Женщина беззвучно обмякла у подножия кровати, опустив голову между раскинутыми руками. И тогда из тесных пределов комнаты песнь взметнулась вверх и наружу торжествующе:

— О, у меня есть маленький братец на новом кладбище. Что ярче солнца!

Ритм нарастал, и голоса во дворе и верхних комнатах подхватили его, пока стены, казалось, не закачались под его напором.

В прохладе раннего утра процессия отправилась на кладбище, что лежало за городской чертой к северу. Первым ехал ветхий катафалк с жёсткими деревянными плюмажами и выцветшими чёрными бархатными драпировками, что кивали и колыхались за стеклянными панелями. За ним следовала единственная карета, в которой виднелась чёрная масса, подчёркнутая несколькими парами белых хлопчатобумажных перчаток, прижатых к опущенным глазам. За каретой двигались скорбящие в пёстрой процессии телег и колясок, взятых напрокат.

Порги ехал с Питером, и четыре женщины на стульях в телеге позади них составляли им компанию. Время от времени из одного из экипажей поднимался протяжный вопль, который подхватывался и передавался от телеги к телеге, словно унылое эхо.

Двигаясь из негритянского района на широкую магистраль Собранийской дороги, с её высокими зданиями и белыми лицами, толпящимися и расходящимися по тротуарам, кортеж казался почти гротескным — странное слияние комедии и трагедии.

Толстый немец, державший лавку на углу Короля Карла и Летней дороги, позвал клерка из глубины здания, и их животы тряслись от смеха. Но маленький смуглый русский еврей в соседней лавке, торговавший одеждой, бросил на них укоризненный взгляд и скрылся в помещении.

Кладбище находилось в нескольких милях за городской чертой. Участок был лишён деревьев, но среди могил множество ярких цветущих сорняков скрывало уродство взбудораженной земли. На востоке простирался широкий болотистый луг до далёкой светлой линии моря. На западе распаханное поле уходило к далёкому лесу жёлтой сосны. От моря до верхушек дальних деревьев небо вздымало арку тонкой голубизны, в центре которой неподвижно висели несколько грифов.

В огромной пустоте утра процессия выползла к краю ветхого деревянного забора и остановилась.

К тому времени, когда прибыла последняя телега, дешёвый сосновый гроб уже лежал на досках над могилой, и проповедник, облачённый в белое, готовился начать службу.

Скорбящие собрались тесно вокруг могилы.

— Смерть, неужели у тебя нет стыда? — раздался чистый высокий сопрано; и немедленно смертное воплощение скорби качнулось и разорвалось вокруг могилы в похоронном песнопении. Трижды шеренга прокатывалась своей кривой песней — пронзительной, острой, мучительной; затем она спадала до разрывающего сердце минора в припеве:

«Забери этого человека и уйди — уйди.

Смерть, неужели у тебя нет стыда?»

Когда пение стихло, началась заукокойная служба; проповедник бегло импровизировал. Взяв ритм из гимна, он изливал слова в его бесконечном повторении, пока накопительный эффект не раскачал всю компанию.

Настал последний момент ритуала. С крышки гроба сняли покров, и скорбящих выстроили в очередь, чтобы пройти и взглянуть на лицо умершего. Первой пошла очень старая, сгорбленная негритянка. Она наклонилась, затем внезапно, с воплем отчаяния, бросилась рядом с гробом.

— Скажи Питеру, пусть держит дверь открытой для меня. Я скоро приду! — закричала она.

— Да, Господи, скоро приду, — отозвался голос из толпы. Другие прижимались к могиле, воздух пронзали крики. Горе изливалось свободно, устрашающе.

Медленно сталкивающиеся звуки слились в ровный такт спиричуэла. Он поднимался прекрасный и пронзительный, разливаясь над звуками падающей земли, когда могилу засыпали:

«Что будешь делать, когда выйдешь из пустыни,

Выйдешь из пустыни,

Выйдешь из пустыни;

Что будешь делать, когда выйдешь из пустыни,

Опираясь на Господа.

Опираясь на Господа,

Опираясь на Господа,

Опираясь на Господа,

Что умер на Голгофе».

Музыка затихала в смутных, неопределённых минорах. Настроение толпы изменилось. В воздухе повисло беспокойное напряжение. Взгляды нервно устремлялись ко входу. Питер, всегда благоразумный, если только не застигнутый врасплох, заранее посоветовался с Порги об этом моменте. Когда он помог ему выбраться из телеги, он поставил его прямо у забора, чтобы его можно было быстро поднять на дорогу.

— Последний человек на кладбище будет следующим, кого похоронят, — напомнил он другу.

Теперь, когда последняя лопата земли была брошена на могилу, он подбежал к Порги и быстро поднял его на дорогу. Позади них разразился внезапный, сотрясающий землю грохот — словно стадо бешено мчащихся коров; и мимо них пронеслись скорбящие, спотыкаясь, борясь за место; одни помогали более слабым, другие ожесточённо сражались, чтобы выбраться из ограды. В центре толпы, рвущейся вперёд с развевающимися одеждами, был проповедник. За невероятно короткое время участок опустел. Затем из кустов у могилы поднялась старая негритянка, которая первой завывала своё горе. Она лежала там забытая, сражённая бурей своих эмоций. Она нетвёрдо заковыляла на дорогу.

— Не беспокойся, Сестра, — утешительно заверил её проповедник. — Бог всегда любит праведных.

Ошеломлённая и довольная вниманием, она улыбнулась рассеянной улыбкой, и её подняли в телегу.

Во время похорон солнце скрылось за облаками, внезапно налетевшими с моря, и по экипажам пробежал крупный дождь, пронёсшийся прочь по пустынным могилам.

— Теперь с Роббинсом всё в порядке, — заметил Порги. — Господь уже послал свой дождь, чтобы смыть его следы с этой земли.

— О, да, Брат! — вставил женский голос; и «Аминь, мой Иисус!» — добавил другой.

В ранний послеполуденный час дня похорон Порги сидел в дверях, беседуя с Питером. Старик помолчал некоторое время, склонив седую голову, с выражением задумчивой нежности на морщинистом лице.

— Роббинс был хорошим человеком, — задумчиво проговорил он наконец, — а тот ниггер, Краун, был убийцей. И вот лежит Роббинс с женой и осиротевшими детьми; а Краун пошёл своей дорогой, чтобы сделать то же самое где-нибудь ещё.

— Ушёл — это точно. Думаю, он теперь затерялся на Китовом Острове, в тех зарослях пальметто; и верёвка не для того создана, чтобы поймать его и повесить. — Порги внезапно замолчал и кивнул в сторону только что вошедшего во двор. Новоприбывший был белым человеком коренастого сложения, в широкополой шляпе и с эспаньолкой. Он размахивал тяжёлой тростью, пересек двор и остановился перед ними. Мгновение он стоял, глядя на них сверху вниз с яростно нахмуренными бровями. Затем он откинул пальто, показывая полицейский значок и револьвер в нагрудной кобуре.

— Ты убил Роббинса, — внезапно выпалил он, обращаясь к Питеру. — И я тебя за это повешу. Пошли! — и он протянул руку и крепко положил её на плечо старика.

Питер сильно затрясся, глаза закатились. Он безуспешно попытался заговорить, попробовал снова и наконец выдал:

— Клянусь Богом, Босс, я не делал этого.

Как молния, пистолет вылетел из кобуры и нацелился между его глаз.

— Кто же тогда это сделал? — отрезал мужчина.

— Краун, Босс. Я видел, как он сделал это, — закричал Питер в панике.

Мужчина коротко рассмеялся.

— Я так и думал, — сказал он. Затем повернулся к Порги.

— Ты тоже видел это, а?

На лице Порги была паника, руки на коленях сжались друг в друга. Но глаза были устремлены на мостовую. Он глубоко вздохнул и замер.

Вспышка гнева промелькнула на лице над ним.

— Ну, выкладывай. Я не хочу применять к тебе закон.

Единственным ответом Порги была лёгкая дрожь, охватившая руки. Лицо детектива потемнело, под полями шляпы выступил пот. Внезапно терпение лопнуло.

— Посмотри на меня, чёртов ниггер! — закричал он.

Медленно сидящая фигура расслабилась, мышца за мышцей. Наконец руки разжались и легли безвольно. Порги поднял глаза, ставшие твёрдыми и непроницаемыми, как оникс. Они встретили яростный взгляд, не дрогнув. После долгого молчания он заговорил медленно, с большой тишиной в голосе.

— Я ничего не знаю об этом. Я был внутри, спал на своей кровати, с закрытой дверью.

— Ты чёртов лжец, — отрезал мужчина.

Он пронзительно свистнул, и вошли двое полицейских.

— Он видел убийство, — сказал детектив, указывая на Питера. — Заберите его и посадите как свидетеля.

— А как насчёт калеки? — спросил один из офицеров.

— Он не мог не видеть, — кисло сказал мужчина. — Это его комната. Но я не могу заставить его признаться. Да это и не важно. Одного достаточно, чтобы повесить Крауна, если мы когда-нибудь его поймаем. Давайте, сажайте старика в фургон.

Полицейский поднял трясущегося старого негра на ноги.

— Пошли, дядя. Тебе будет не так худо, как Крауну, во всяком случае, — ободрил один из них. Затем маленькая группа вышла из ворот, оставив Порги одного.

С улицы донёсся пронзительный гонг полицейского фургона, за которым последовал стук быстро удаляющихся копыт по булыжнику.

Прошло десять дней с тех пор, как детектив забрал Питера. Целую неделю телега простояла под шатающимся навесом, а унылая старая лошадь питалась всякой всячиной, которую приносили друзья отсутствующего хозяина. Затем пришёл человек и забрал всё хозяйство. В ответ на протесты негров он предъявил контракт, датированный тремя годами ранее, по которому Питер обязывался платить два доллара в неделю в течение неопределённого срока по непомерной покупной цене. Неуплата любого взноса вела к возврату имущества продавцу. Всё выглядело законным. И ветхая старая повозка загремела по булыжникам и уехала.

Затем пришёл человек из мебельного магазина, торгующего в рассрочку. Это был сквернословящий бородатый немец, ругавшийся так свирепо, что никто не посмел протестовать, когда он загрузил Питеру мебель на свой фургон и уехал.

Теперь в углу комнаты Порги, куда он взял их на хранение, остались только потёртый кожаный сундук, хромофотография «Великого Освободителя» и связка старой одежды — безмолвные напоминания о добром и мягком старом хозяине.

ЧАСТЬ II

Южный май томил зноем. Пора, милая сердцу негра. Работа на причалах затихала, мужчины выходили на два-три дня в неделю. Весь двор валялся на солнце, грелся, смеялся, травил байки, дожидаясь, пока женщины вернутся с белых кухонь с полными корзинками.

У входа обычно прохлаждались грузчики — их крупная стать сразу выдавала среди прочих. На толстых шеях пестрели яркие банданы, под синими хлопковыми рубахами ходили широкие плоские спины, способные взвалить п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.